

Книга Д.О. Добровольского (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) и Э. Пиирайнен (Университет Штайнфурта, Германия) посвящена исследованию принципов функционирования метафорических, или образных, языковых единиц в разных языках и культурах. Авторы видят свою задачу в том, чтобы ответить на следующий вопрос: существует ли какое-то регулярное соответствие между буквальным значением фразеологической единицы, которое основано на некоем образе и закреплено в ее лексическом составе, и ее лексикализованным переносным значением, которое и является актуальным значением данной фразеологической единицы. Ответ на него формирует центральную идею книги, и состоит он в следующем. Значение образной языковой единицы (*figurative unit*) основывается на определенной концептуальной структуре. Эта концептуальная структура создается работой нашего образного мышления (*mental imagery*); она поддерживает тот элемент плана содержания образной единицы, который авторы называют образной составляющей (*image component*). Эта образная составляющая, т.е. специфическая концептуальная структура, промежуточная между лексическим составом образной языковой единицы и его актуальным значением, является релевантным компонентом его плана содержания; именно она обеспечивает концептуальную связь между буквальным и актуальным значением образного выражения (см. на эту тему также [Добровольский 1996; Баранов, Добровольский 1998]). На этой основе авторами строится теория конвенционального образного языка (*Conventional figurative language theory*), основными постулатами которой являются следующие:

1. Многие релевантные ограничения в употреблении единиц образного языка определяются спецификой их образных составляющих.

2. Семантические и/или прагматические различия между образными выражениями, имеющими сходное актуальное значение, часто определяются спецификой их образных составляющих.

3. Квазиэквивалентные конвенциональные образные единицы никогда не бывают тождественны с точки зрения из семантических и/или прагматических свойств, если их образные составляющие обнаруживают существенные различия.

4. Даже если характер образной составляющей не влияет непосредственно на употребление данной образной единицы, она потенциально остается частью ее плана содержания и может актуализироваться в определенных контекстах, в том числе, в языковой игре.

5. Поскольку специфика образной составляющей часто бывает обусловлена исторически (т.е. образная составляющая сохраняет структуры знания, актуальные для времени возникновения выражения), некоторые элементы этимологии могут влиять на семантические и/или прагматические свойства образного выражения.

6. Поскольку специфика образной составляющей часто бывает культурно обусловлена, на значение образного выражения может влиять специфика данной культуры. Лингвистическая релевантность феноменов культуры обнаруживается не только в сочетаемостных и дискурсивных свойствах образной единицы, но также и в межъязыковых различиях, многие из которых объясняются исключительно культурной спецификой.

Эта теория применяется к анализу образных выражений одиннадцати языков. Выбор языков представляется очень удачным. Основ-

ую массу анализируемого материала составляют «главные» языки Западной Европы (английский, французский, немецкий) плюс русский, т.е. именно те языки (среди живых), которые являются основными носителями, хранителями и отчасти создателями европейской культурной традиции. Еще использован материал шведского, нидерландского, литовского и новогреческого, а также двух не индоевропейских языков – финского, который, однако, принадлежит европейскому ареалу, и японского, географически и культурно от него изолированного. Помимо перечисленных литературных языков, в исследование включен материал бесписьменного «вестмюнстерского диалекта» – нижненемецкого диалекта района к западу от Мюнстера, на границе с Голландией. (Как оказывается, все литературные языки Европы обладают значительным сходством в отношении характера образного языка. И, наоборот, «вестмюнстерский диалект», будучи бесписьменным, обнаруживает отличия от литературных европейских языков почти столь же существенные, как японский.) Таким образом, состав анализируемых языков, с одной стороны, существенно шире подавляющего большинства контрастивных семантических исследований; с другой стороны, он откровенно «европоцентричен» – вопреки идеологическому стандарту типологических исследований.

Книга Добровольского и Пиирайнен – это, безусловно, событие в семантической науке. Методологически книга представляет собой синтез приемов когнитивной семантики, семиотики культуры и семантического анализа в духе Московской семантической школы. Интеграция идей и методов Московской семантической школы в метаязык когнитивной лингвистики произведена весьма изящно и оказалась необыкновенно эффективной. На реальную близость некоторых метаязыковых конструктов этих двух школ, при всем различии исходных идейных установок, уже обращали внимание (см. [Рахилина 2000]). Интересно, что именно несвободная сочетаемость образует зону специального интереса и того, и другого направления: фразеология всегда была предметом когнитивной лингвистики *par excellence* (ср. [Lakoff, Johnson 1980; Johnson 1987; Lakoff 1987; Kövecses 1990] и др.); с другой стороны, теория лексических функций, бывшая у истоков модели «Смысл ⇔ Текст», сохраняет свою актуальность и сегодня, когда оказалось, что лексико-функциональные глаголы обладают своей вполне определенной семантикой, а их сочетаемость с предикатным именем – безусловной мотивированностью (ср. [Mel'čuk, Wanner 1996; Апресян 2004а, б]). Однако фак-

тическое объединение наиболее эффективных инструментов анализа той и другой школы, и, далее, применение созданного таким образом аппарата к исследованию фразеологических единиц произведено впервые. И этот опыт безусловно следует признать удавшимся. Иными словами, специалист по когнитивной лингвистике найдет в этой книге интересные теоретические выводы и практические результаты, но и строгие приверженцы Московской семантической школы не будут ею разочарованы.

Перехожу теперь к краткому изложению содержания книги. Книга состоит из 13 глав.

В первой главе строится концептуальный аппарат исследования. Определяются понятия образного компонента, критерии образности, обсуждаются смежные явления (такие, как лишённые образности метафоры – типа *низкие температуры* – и метонимии, неидиоматичные фразеологизмы, в первую очередь, устойчивые коллокации), выделяется объект исследования – конвенциональные, т.е. лексикализованные образные единицы языка, в отличие, например, от авторских метафор, формулируются рабочие гипотезы и основные положения теории конвенционального образного языка.

Вторая глава посвящена фразеологии. Поскольку центральный класс фразеологического состава языка – идиомы или фразеологизмы в узком смысле, называемые в восходящей к Ш. Балли классификации В.В. Виноградова «фразеологическими сращениями» и «фразеологическими единствами», – обладают образностью в качестве одного из конститутивных признаков, фразеология традиционно ассоциируется с конвенциональной образностью. Естественно, не все типы фразеологизмов оказываются образными единицами языка. В число образных единиц попадают, в первую очередь, идиомы, а также образные пословицы (например, *цыплят по осени считают* – образная пословица, а *дуракам счастье* – нет) и коллокации с мотивированным метафорическим компонентом типа *зерно истины* или *червь сомнения*. Тем самым, с одной стороны, в сферу конвенциональной образности попадают не все фразеологизмы, а с другой – эта область не ограничивается фразеологией, поскольку существуют однословные метафоры, не относящиеся к фразеологии, но обладающие образностью. Иными словами, область фразеологии и область конвенциональных образных единиц языка оказываются пересекающимися множествами.

В третьей главе обсуждаются проблемы межъязыковой эквивалентности идиом и разрабатывается аппарат сопоставительного анализа идиоматики. На примерах из разных

используя убедительно показывается, что даже совпадающие по лексическому составу идиомы оказываются полностью эквивалентными в редчайших случаях. Как правило, между ними обнаруживаются значимые различия, по крайней мере, по одной из трех семиотических осей: семантике, синтактике или прагматике. Иными словами, у идиом разных языков, традиционно считавшихся полностью эквивалентными и описываемых как таковые в двуязычных словарях, обнаруживаются тонкие (а иногда и достаточно существенные) различия либо в значении, либо в сочетаемости, либо в прагматических, в том числе в стилистических, характеристиках. Это подтверждает один из главных постулатов данной книги и теории конвенционального образного языка: образ, зафиксированный в лексической структуре идиомы, не обладает предсказательной силой в строгом смысле. Один и тот же образ может по-разному интерпретироваться в разных языках. Отсюда следует не тождественность понятий образа и образной составляющей. Образная составляющая – это то, что как бы «вытягивается» данным конкретным языком из образа и фиксируется в плане содержания соответствующей единицы. Из одного и того же образа могут быть «вытянуты» разные образные составляющие. Кроме того, огромную роль играет узус. Даже если образные составляющие сравниваемых идиом идентичны, это не гарантия того, что у этих идиом будет наблюдаться полная идентичность в семантике, синтактике и прагматике.

Четвертая глава посвящена проблеме мотивации. Исследования последних лет когнитивного направления показали, что говорящие часто не различают буквальное и переносное значение идиомы. Это значит, что буквальный смысл часто остается актуальным для говорящих, даже когда они используют идиому в присущем ей переносном смысле. И тем самым релевантный ментальный образ (точнее: его лингвистически значимые элементы, которые авторы называют образной составляющей), задаваемый мотивированной идиомой, должен рассматриваться как часть ее плана содержания в широком смысле. Бывает и так, что некоторые «следы» ментального образа, зафиксированного в лексическом составе идиомы, непосредственно являются частью ее реального значения.

Этимология для идиом – это, обычно, народная этимология: именно она поддерживает релевантный ментальный образ. Согласно современной точке зрения, мотивация фразеологизма субъективна, и она не определяется ни исторической реальностью, ни суммой значений его компонентов (согласно принципу ком-

позициональности). Мотивация идиомы – это результат интерпретации заключенного в нем образа (*image*). Авторы книги исходят из того, что мотивация идиомы (как и любой образной единицы языка) – это такая интерпретация лежащего в ее основе ментального образа, которая делает осмысленным употребление данного слова или словосочетания в его конвенциональном значении. При этом мотивация одной и той же образной единицы может быть различной для разных говорящих.

Традиционный структуралистский подход строго разграничивает диахронические (этимологические) и синхронные факторы, определяющие мотивацию образного знака. Когнитивная лингвистика не придает этому противопоставлению большого значения, так как эти два типа мотивации предполагают сходные концептуальные операции. С точки зрения авторов книги мотивация образной единицы не может не включать этимологическую составляющую. Это не значит, что этимология всегда влияет на актуальное значение фразеологизма и определяет релевантные особенности его употребления, – но этот фактор не может быть исключен *a priori*. Ср. понятие «этимологической памяти», активно используемое представителями Московской семантической школы (например [Апресян 1995]).

Специальный раздел посвящен разграничению мотивации и смежных понятий, в частности семантической членимости (*analyzability*) и неоднозначности (*semantic ambiguity*). Семантическая членимость рассматривается как один из специальных случаев мотивации. Членимые идиомы, такие как *to throw the baby out with the bath (water)* допускают гораздо большее количество лексико-синтаксических модификаций (ср. *that was the baby that was thrown out with the bath water*), чем идиомы нечленимые; например, *to rattle someone's cage*. Это связано с тем, что в членимых идиомах структура лежащей в основе метафоры гомоморфна структуре ее актуального значения, т.е. некоторые кластеры семантических признаков актуального значения оказываются «привязанными» к отдельным компонентам идиомы. Это, однако, не означает, что нечленимые идиомы лишены семантической мотивации. Так, например, в идиоме *to rattle someone's cage* ни одному из компонентов не может быть приписано относительно самостоятельное значение, тем не менее, идиома в целом воспринимается как мотивированная.

Различаются следующие типы мотивации: индексальная (например, звукоподражательная) иконическая, символическая мотивация и такие частные случаи, как, например, мотивация, восходящая к стереотипам, укорененным в

культуре, к аллюзиям на определенные тексты и т.п. К иконической мотивации относятся все случаи мотивации, определяемой наличием актуальной для говорящего живой метафорической связи между внутренней формой идиомы и ее реальным значением. Часто мотивация этого типа основана на «концептуальной метафоре». Как оказывается, метафора «понимание это схватывание» (ср. UNDERSTANDING IS GRASPING в [Lakoff, Johnson 1980]) используется при построении концепта понимания не только в индоевропейских языках, но также в финском (относительно которого есть, впрочем, основания допускать возможность заимствования) и в японском. Этот факт говорит об универсальном характере данной метафоры. О символической мотивации см. ниже.

Пятая глава посвящена исследованию так называемых «ложных друзей переводчика» и паронимов. Эти явления непосредственно связаны с феноменом мотивации. Данная проблематика обнаруживает также параллели с проблемами, обсуждаемыми в третьей главе. Идиомы «ложные друзья» (ср. нем. *jmdm. einen Floh ins Ohr setzen* со значением «спровоцировать в ком-л. нереализуемые желания» и франц. *mettre la puce à l'oreille (de qn.)* со значением «вселить в кого-л. подозрения») в принципе возможны потому, что один и тот же образ может интерпретироваться весьма по-разному. Иными словами, мотивация возможна лишь как явление *ex post factum*. Если мы знаем актуальное значение идиомы или любой другой лексикализованной образной единицы языка, мы можем, сопоставляя ее актуальное значение с зафиксированной в ее лексическом составе метафорой, перекинуть между ними «семантический мост», т.е. воспринять эту единицу как мотивированную. Но сам по себе образ не может предсказать свое семантическое развитие, поскольку в нем потенциально заложено слишком много возможностей развертывания. Какая из них будет использована каким языком – дело случая.

В шестой главе излагается когнитивная теория метафоры. Основная мысль авторов состоит в том, что известная по работам Лаккоффа и его коллег теория ценна для исследования лексикализованных образных единиц прежде всего тем, что предоставляет в распоряжение лингвиста хорошо разработанный аппарат анализа и ряд нетривиальных эвристик. В целом, однако, она оказывается недостаточной «тонким» инструментом, поскольку направлена на поиск регулярных механизмов, в то время как в сфере конвенциональной образности (в том числе, в сфере идиоматики) очень много непредсказуемого, культурно и истори-

чески обусловленного. Метафорические модели, предлагаемые в рамках когнитивной теории метафоры, намного лучше работают на материале окказиональных метафор, образование которых происходит в рамках определенных концептуальных проекций. Теория конвенциональных метафор должна в большей степени учитывать культурно-специфические факторы. Это, однако, не означает, что аппарат метафорических моделей (концептуальных метафор) не пригоден для анализа идиом, что показано в следующей главе.

Седьмая глава представляет собой *case study*, в котором на материале идиом семантического поля «страх» демонстрируется способ анализа, основанный на идеях когнитивной теории метафоры. Эти идеи применяются и в следующей, восьмой главе, развивающей концепцию когнитивного моделирования, разработанную и впервые представленную в статьях [Baranov, Dobrovolskij 1996; Баранов, Добровольский 2000]. Суть этой концепции заключается в том, что актуальное значение идиом порождается не с помощью «переноса» значения с одного денотата на другой, а с помощью операций над структурами знаний – фреймами и сценариями. Соответственно, семантическая мотивация идиомы основана на сопоставлении фрейма-источника с фреймом-целью, а не на сопоставлении прямых и метафорических значений отдельных компонентов. Поскольку структура фрейма-цели во многом задается структурой фрейма-источника, следы исходного концепта могут оказаться релевантными для функционирования идиомы и должны найти свое отражение в толковании.

Девятая глава представляет собой *case study* на основе изложенной в двух предыдущих главах концепции когнитивного моделирования. Ее материалом является фрейм-источник ДОМ в различных языках и соответствующих культурах. Показано, что ДОМ в английском, немецком, нидерландском, шведском и финском языках разительно отличается от концепта ДОМ в японском и от представления о ДОМЕ в вестмюнстерском диалекте. Следовательно, несмотря на то, что соответствующие обозначения *Haus, house, huis* и т.д. традиционно рассматриваются как полные эквиваленты, за ними стоят разные фреймы. Не удивительно, что и идиомы «разнокультурных» языков, основанные на исходном фрейме ДОМ, оказываются весьма различными по своему актуальному значению. Причем решающим оказывается не концепт современного жилища, а тот фрейм ДОМА, который был частью культуры минувших веков и который послужил образной основой для образования соответствующих идиом в сопоставляемых языках. Таким

образом, решающая роль культурных факторов при анализе семантики образных единиц языка находит свое дополнительное подтверждение.

В десятой главе «Культура и образный язык» обсуждаются проблемы, связанные с понятием культуры в его приложении к лингвистическим исследованиям. Особо значимой для функционирования образного языка признается тот аспект культуры, который связан с символизацией, т.е. относится к сфере семиотики культуры, понимаемой в духе Московско-Тартуской школы.

Общепринятый тезис о том, что каждый язык по-своему членит и концептуализует действительность, подвергнут авторами книги детализации, которая значительным образом увеличивает его операциональность. А именно, авторы различают три типа релевантных с точки зрения межъязыкового и межкультурного сравнения концептов. Слова типа санскритского *nirvana* или финского *sauna* представляют собой уникальные концепты, полностью определяемые особенностями конкретной культуры, т.е. являются именно культурно-, а не лингвоспецифичными. Другой тип представляют такие пары слов, как франц. *malheur* и англ. *mishap*, обладающие разными семантическими признаками. Наконец, пары слов типа англ. *horse* и нем. *Pferd* семантически эквивалентны, но различаются своей ассоциативной аурой (ср. понятие «резонанса» в [Wierzbicka 1996]).

Авторы формулируют «рабочее определение» культуры как суммы всех представлений о мире, характерных для данного сообщества. Для функционирования конвенционального образного языка наиболее существенными сферами здесь являются: принятые в данной культуре формы социального взаимодействия; факты и артефакты материальной жизни; интертекстуальные феномены; область фиктивных концептов (донаучные и мифологические представления), символы.

Описанию роли символов и обоснованию понятия символической составляющей в плане содержания единиц образного языка посвящена следующая, о д н н а д ц а т а я глава. Символ в идиоматике выступает как культурный код. Например, мотивация такой идиомы, как *на седьмом небе* основана не только на концептуальной метафоре ВЕРХ – ЭТО ХОРОШО и не только на культурно-специфических представлениях о НЕБЕ как о РАЕ, но и на конвенциональном знании особого символического статуса числа СЕМЬ в христианской культуре. Это кажется само собой разумеющимся носителям таких языков, как русский, немецкий или английский, но при обращении, например, к японскому языку становится очевидным, что

подобные символические прочтения – это всегда культурные конвенции. Так, в японской культуре (и соответственно в японском языке) сакральным числом является не СЕМЬ и не ТРИ, а ВОСЕМЬ. Даже внутри европейского культурного ареала имеются различия. Например, в литовском языке сохранились следы дохристианской символики – сакральным числом, присутствующим во многих образных выражениях, оказывается ДЕВЯТЬ. Подобные следы отчасти сохранились и в английском языке, ср. идиому *on cloud nine*, эквивалентную русской идиоме *на седьмом небе*.

Главы двенадцатая и тринадцатая представляют собой *case studies*, в которых на материале французского, японского, литовского, английского, нидерландского и некоторых других германских языков анализируются два типа символов и порождаемых ими, в зависимости от релевантных особенностей культуры, метафор и метонимий: имена чисел (ТРИ, ЧЕТЫРЕ, СЕМЬ, ВОСЕМЬ, ДЕВЯТЬ, ОДИННАДЦАТЬ и др.) и имена животных (ЗМЕЯ, ВОЛК, МЕДВЕДЬ, СОВА и др.).

В заключении, в частности, отмечается, что развиваемая в книге теория конвенционального образного языка является когнитивно ориентированной – в том смысле, что ее задача состоит не только в описании образного языка, но и в объяснении принципов его функционирования.

В книге, помимо предметного и именного, имеется алфавитный указатель проанализированных языковых единиц. Можно посоветовать авторам в последующие издания включить также указатель рассмотренных ключевых символов разных культур, т.е. укорененных в традиции конвенциональных знаков особой семиотической природы, являющихся составляющими культурного кода (для обозначения которых в книге удачно использовано написание прописными буквами).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Апресян 2004а – Ю.Д. Апресян. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // ВЯ. 2004. № 4.
- Апресян 2004б – Ю.Д. Апресян. Акциональность и стативность как сокровенные смыслы (охота на *оказывать*) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004.
- Баранов, Добровольский 1998 – А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. Внутренняя

- форма и проблема толкования // ИАН СЛЯ. Т. 57. № 1. 1998.
- Баранов, Добровольский 2000 – *A.N. Baranov, D.O. Dobrovolskij*. Типология формальных операций при порождении актуального значения идиомы // *Linguistische Arbeitsberichte*. Т. 75. Leipzig, 2000.
- Добровольский 1996 – *Д.О. Добровольский*. Образная составляющая в семантике идиом // *ВЯ*. 1996. № 1.
- Рахилина 2000 – *Е.В. Рахилина*. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // ИАН СЛЯ. 2000. Т. 59. № 3.
- Baranov, Dobrovolskij 1996 – *A. Baranov, D. Dobrovolskij*. Cognitive modeling of actual meaning in the field of phraseology // *Journal of Pragmatics*. V. 25. 1996.
- Johnson 1987 – *M. Johnson*. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; London, 1987.
- Kövecses 1990 – *Z. Kövecses*. Emotion concepts. Frankfurt-am-Main, 1990.
- Lakoff 1987 – *G. Lakoff*. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago; London, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 – *G. Lakoff, M. Johnson*. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
- Mel'čuk, Wanner 1996 – *I. Mel'čuk, L. Wanner*. Lexical functions and lexical Inheritance for emotion lexemes in German // *L. Wanner* (ed.). Lexical functions in lexicography and natural language processing. Studies in language companion series. V. 31. Amsterdam, 1996.
- Wierzbicka 1996 – *A. Wierzbicka*. Semantics: primes and universals. Oxford, 1996.

Анна А. Зализняк